

Алексей Макаров

ДЕТСТВО

Сборник рассказов

Алексей Макаров

Детство. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Макаров А.

Детство. Сборник рассказов / А. Макаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855236-6

Каждый из нас когда-то был маленьким человечком. С каждым в детстве происходили различные невероятные случаи, которые глубоко залегли в нашей памяти. Они бывали курьезными, порой радостными, а порой даже печальными. Чем глубже эти годы находятся в нашей памяти, тем дольше мы остаёмся детьми, тем больше в нас кипит энергия детства, и мы готовы и в зрелости свернуть горы. В книге А. Макарова «Детство» собраны рассказы именно об этих годах, которые питают всю его жизнь и жизнь окружающих его людей.

ISBN 978-5-44-855236-6

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

А мы с Черёмой	6
Поджигатели	6
Биток	9
Кислота	13
Пистолет	19
Уроки труда	25
Рыбалка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Детство

Сборник рассказов

Алексей Макаров

© Алексей Макаров, 2017

ISBN 978-5-4485-5236-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой друг, если ты не пыхтя с палочкой заходишь в свою квартиру на пятом этаже, а просто взлетаешь в неё, мечтая о том, что там тебя вновь встретит твоя любовь, если ты ещё молод душой и полон сил, то ты поймёшь всю серьёзность, юмор и тонкость жизни нашего детства.

А. Макаров

А мы с Черёмой

Поджигатели

Уроки на сегодня закончены. Портфель брошен в угол комнаты, и надо чем-то заняться. Я слонялся по комнате и не знал, что мне делать.

А делать есть всегда что. Ведь вчера папа дал мне книгу про Гекльберри Финна и Тома Сойера. Об их невероятных приключениях на реке Миссисипи. Я читал запоем о приключениях этих отважных мальчишек. И даже маму, когда она сказала, что надо идти спать, я не послушал, а залез под одеяло, чтобы продолжить чтение об этих храбрецах. С фонариком под одеялом читать было душно и неудобно, но желание узнать о новых приключениях полюбившихся мне авантюристов пересилило все неудобства.

Больше всего мне понравилось их спасение на острове, где они палили костёр и искали еду, чтобы выжить.

Как же это всё сделать у нас? У нас нет ни такой громадной реки, ни лодок, ни рабовладельцев, ни негров. У нас есть только бешеная река Ардон и крутые горы. Но всё равно надо же как-то жить! С этой мыслью я метался по комнате и поглядывал на часы. Потому что скоро Черёмина бабушка закончит его кормить после школы и тогда он сможет спокойно выйти на улицу.

Но пока есть время, я взял авоську, положил в неё с десяток картошек, завернув их в газету, положил туда же спички и вынес всё это в коридор.

Стрелка часов приблизилась к двум часам, и я решил, что кормление Черёмы закончено и мы сможем встретиться.

Я пулей вылетел из квартиры и побежал к подъезду Черёмы. По пути мне попался Жаронд. Он, как всегда, что-то жевал. И его длинная рыжая чёлка мешала мне рассмотреть его глаза. Что у него было на уме? Никто не знал. Может быть, он опять затеет новую драку или просто даст тебе подзатыльник. Всё зависело от его настроения. Но сегодня он был благосклонен ко мне. У него в руках был кусок хлеба с маслом, посыпанный сахаром, и он упивался его вкусом. Меня он просто не замечал. Главное для него был этот бутерброд, а не малявка под ногами с какой-то авоськой за плечами.

Я незаметно прошмыгнул мимо Жаронда и юркнул за угол.

– Черёма! – прокричал я вполголоса. Дай бог бы, чтобы ни Жаронд, ни Черёмина бабушка не услышали мой крик. Черёмина бабушка была глуховата и не всегда слышала, что делается вокруг. Порой мы этим и пользовались. Но Черёмина голова сразу же свесилась с балкона.

– Чего надо? Тихо. Бабка только уснула, – чуть ли не шёпотом шептал он мне с балкона.

– Давай, иди сюда. Дело есть, – так же шептал я ему, показывая на свёрток.

Глаза Черёмы оживились, и он одобрительно махнул мне рукой.

Через минуту он уже был рядом со мной. Мы осторожно выглянули за угол. Где же Жаронд? Но его уже не было. Путь был свободен.

И мы быстренько выбежали со двора.

Только отбежав подальше от двора, мы присели за ближайшим сараем.

– Ну, чего надо? Чего кричал? Что это у тебя там, в авоське? – забросал меня вопросами Черёма.

– Что-что, – недовольно и загадочно говорю ему. – А ты читал про Гекльберри Финна и Тома Сойера, как они спаслись на острове?

– Нет, не читал, – удивлённо ответил Черёма. – А откуда ты это взял?

– Да папа мне вчера дал эту книгу. Знаешь, как там у них всё было здорово. Они там чуть не умерли с голода на необитаемом острове, и только костёр смог спасти им их жизни. Ты есть хочешь?

– Нет, – удивлённо ответил Черёма, – меня бабушка уже покормила, – все ещё ничего не понимая, пожал он плечами.

– Балбес. Не о еде идёт речь. А о том, как можно выжить без неё. Надо просто развести костёр и спастись тем, что есть в руках. Вот мы и пожарим в нём картошку.

– Так где же её взять, эту картошку? – спросил он удивлённо. Но потом, взглянув на мою авоську, радостно вскрикнул: – Так мы спасены! У нас есть средство для выживания! Я знаю место, где мы можем спасти наши жизни!

Мы полезли в гору за последние сараи. Недавно там был построен последний сарай из катаных брёвен. Его задняя стена почти входила в основание горы и была привалена большими камнями.

Внутри сарая слышалось блеяние овец, оттуда шёл тёплый запах кошары. Вот тут мы и решили развести костёр для нашего выживания.

Мы насобирали небольшую кучку щепок и мелких веток. Привалили их к брёвнам сарая и уложили шалашиком, а внутрь подсунули газетку, в которую перед этим была завернута картошка.

С первой спички костёр, конечно же, не загорелся, но со второй попытки он вспыхнул и горел почти бездымно. Мы начали подкладывать в него картошку. Как только её бока начинали чернеть, мы её переворачивали палочками и пробовали её мягкость.

От копоты костра и начинающих чернеть брёвен сарая дыма было всё больше и больше. Я смотрел на Черёму, а лицо у него было такое же, как и у Тома Сойера: закопчённое, и губы были, точно как негритянские. Такие мы были чёрные. Мне было весело, и мы смеялись, показывая друг на друга пальцами. Ели полусырую картошку. Она была хоть и твёрдая, но вкусная. Если оторвать обгорелый край, то она там была даже и сладкая. Мы чувствовали себя на необитаемом острове, на котором нам удалось выжить.

Но тут перед нами вырос здоровенный мужик, который что-то орал по-осетински. Он сграбастал нас в охапку, вытащил из-под крыши сарая и вцепился в наши уши. И тут уже по-русски стал кричать на нас:

– Вы что надэлали?! Вы зачем захотели загореть мой сарай? Где твой родители? Они мнэ сейчас за всё заплатят! Я вам всё ваши уши оторву!

Мы с Черёмой только орали, вопили и визжали от боли и неожиданности, что наше спасение на необитаемом острове так печально закончилось.

А в это время какие-то женщины заливали наш костёр водой и громко-громко причитали.

И вот так нас, визжащих, орущих от страха, перепуганных, прокопчённых, этот страшный мужик дотащил до нашего дома.

А там уже во дворе стояли моя мама и тётя Галя, мама Черёмы. Они нас потеряли и пытались нас найти.

Мужик бросил нас к ногам наших матерей.

– Ви знаетэ, что они только что не сожгли мой дом и моих овец? Куда ви смотрела? Ви что, не можете смотреть за своими дэтьми? Если у мэнэ что-нибудь сгорело, ты будэшь платить, – грозно пообещал он, развернулся и ушёл.

Ну а теперь начало наступать самое страшное – расплата за содеянное.

Тётя Галя взяла Черёму за шиворот, затем последовал и мой черёд. Меня так же, за шварник, без всяких рассусоливаний затащили на третий этаж и долго-долго воспитывали через одно очень доходчивое место.

А утром, как всегда, тётя Галя во дворе попросила мою маму довести Черёму до школы. У моей мамы ещё было время перед работой сделать это, а до поликлиники тёти Гали был очень далеко, и она сильно торопилась.

– Ты уж и моего пожарника прихвати, – попросила она мою маму, усмехаясь.

Взъерошенный Черёма выглянул из-за юбки своей матери и посмотрел на меня невинными глазами. Когда его мама ушла, я шепнул ему:

– Ну, что? Лупили?

Тот, поёжившись, кивнул, а я заговорщицки подмигнул ему:

– И меня тоже. Но зато мы знаем, как выживают индейцы, – ободряюще сказал я ему, на что Черёма только улыбнулся мне.

Мама взяла нас за руки и повела в школу. А мы иной раз, когда немного обгоняли её, смотрели друг другу в глаза и понимающе смеялись.

Биток

Весна началась. И у нас начался новый сезон игр. Зимой и вообще всегда мы играли в яльчики, но сейчас у нас началась игра в шарики-ролики.

На линии должны были выставляться шарики от подшипников или ролики от тех же подшипников. Столько, сколько было желающих. От каждого по два шарика или ролика. Потом надо было установить их в ряд, а тот, кто будет бить первым, должен был иметь больший шарик от подшипника. Это был биток. И чем больше был биток, тем была большая вероятность, что он собьёт больше шариков в ряду и заберёт сбитые шарики себе. Проигравшие опять будут выставлять шарики на линию и ждать своей очереди, чтобы ударить битком.

Бьющий отходил на 15 шагов и кидал в ряд шариков свой биток. Биток – это был обычно очень большой и круглый шарик от подшипника. Если удавалось выбить из ряда хотя бы один шарик, то бьющий подходил к отметке 10 шагов и опять бил по ряду шариков. Дело было в битке. Чем крупнее он был, тем меньше он зависел от неровностей асфальта и тем больше он сбивал шариков в ряду.

У нас с Черёмой на двоих было всего 20 шариков и маленький биток. Шансов выиграть было очень мало. И мы с ним иногда сидели и завидовали пацанам с большими битками. У нас такого битка не было. И где его можно было взять, мы не представляли.

И как-то после школы мама позвонила домой, справиться об моих уроках. Она всегда так делала, чтобы быть спокойной, что я дома и опять чего-нибудь не набедокурил.

Конечно, я ответил ей, что все уроки сделаны, в комнате порядок и я читаю книжку. Но в этот день мама была особо добра и предложила мне прийти к ней на фабрику, где она захотела показать мне, как и где она работает. Она давно это обещала. Но сейчас у неё выдалось свободное время, и она могла выполнить столь долгожданное обещание.

Она даже предложила:

– Можешь взять с собой кого-нибудь из своих друзей.

Вот этого я вообще не ожидал. Хотя я давно просил её об этом. Я так давно мечтал попасть на её фабрику. Каждый день я видел, как вагонетки по канатной дороге привозили руду на фабрику и возвращались обратно пустыми на рудники.

На рудниках добывалась руда, там работало много горняков. Папа несколько раз по воскресеньям брал меня в шахты и показывал, как и где он работает, а вот мама ни разу не брала меня на свою работу. И вот такое счастье случилось! Она позвала меня к себе на фабрику.

Я немедленно сообщил об этом тёте Глаше, нашей домработнице, и начал собираться на фабрику. Но не одному же мне идти! Тем более мама предложила взять друзей. А друг кто? Да Черёма же! Я выбежал во двор.

Мы уже переехали из каменного в трехэтажный дом, в котором на первом этаже был ресторан. Черёма теперь тоже жил в новом доме рядом, где был магазин. Балкона у них уже не было, и всегда приходилось подниматься на второй этаж и стучать в их дверь. До звонка я едва дотягивался.

Я пробежал в соседний двор, поднялся на второй этаж и забарабанил в дверь. Днём это было можно. Бабка уехала, и дома мог быть только Черёмин старший брат Юрка. Он и открыл мне дверь.

– Чего ломишься, – как всегда, недовольно встретил он меня и прокричал вовнутрь квартиры: – Вовка! Иди. К тебе Макарон припёрся, – и ушёл.

Черёма тут же высунулся из двери своей комнаты:

– Чего надо? – заинтересованно спросил он меня.

– На фабрику хочешь сходить? Мама нас зовёт. Она хочет показать, как работает фабрика. Хочешь?

Глаза у Черёмы загорелись.

– Конечно! – восторженно чуть ли не прокричал он. – Жди. Сейчас оденусь, – и исчез.

Через минуту он был уже готов. И мы пошли на проходную фабрики. Попросили вахтёра позвать маму и стали её ждать. Мама скоро вышла к нам и была очень удивлена, что нас только двое. Но я пообещал ей, что в следующий раз я приведу весь класс. Мама потрепала нас по головам и повела за собой.

Мы поднялись на самый верх. Туда, где вагонетки по канатной дороге привозили руду. Тихо вращались огромные колёса, негромко жужжал несущий трос. Вагонетки шли одна за другой. Заезжали в бункер и специальным устройством переворачивались. Руда с грохотом летела куда-то вниз.

Мама объясняла нам всё, и нам это было очень интересно. Но самое страшное было в дробильном цехе. Там стоял невероятный шум. Вращались громадные барабаны, и в них что-то грохотало. Сквозь этот грохот был почти не слышен мамин голос. Но когда мы вышли из этого ужасного цеха, она нам объяснила, что в эти барабаны насыпается руда и она дробится большими чугунными шарами, которые вон там горкой лежат на фабричном дворе. Барабаны назывались грохотами.

Потом мы пошли во флотационный цех, где медленно вращались какие-то пропеллеры, я был поражён количеством грязи в нём. Но мама нас остерегла:

– Будьте осторожны, не перепачкайтесь. Это не грязь, это рудный концентрат. Его по конвейеру потом будут грузить вон в те огромные баки и увезут в город. А уже там из него будут выплавлять и цинк, и свинец. И даже немного серебра.

Мы были так ошарашены этим зрелищем, шумом и всеми громадными механизмами на фабрике, что просто потеряли дар речи. По сравнению с увиденным, по-настоящему ощущалось, что мы все были такими очень маленькими. Почти букашками, по сравнению с этой громадной фабрикой.

А когда мама сказала, что нам ещё очень многому надо научиться, чтобы управлять такими механизмами, мы были полностью с ней согласны. И мне даже захотелось побыстрее домой, чтобы доделать незаконченные задания по математике.

Тут мы спустились в самый низ и через токарный цех пошли к выходу.

В цехе было много разнообразных станков. На них работали люди. Они точили какие-то детали на этих станках. Я увидел несколько знакомых дядек и нашего соседа, которые были сосредоточены на своей работе.

Но один станок, самый большой, стоял разобранный, и около него находилось несколько человек. Руки у них были перепачканы мазутом, в руках были какие-то приспособления. Они пытались что-то сделать. Мы тоже туда сунулись, но мама нас предупредила:

– Не надо мешать дядям, они и так заняты. Им сегодня обязательно надо сделать этот станок, чтобы изготовить новую деталь для грохота. Кроме них это никто не сможет сделать. И если они этого не сделают сегодня, то фабрика не сможет работать в полную силу и месячный план не будет выполнен. Не мешайте им, – и повела нас к выходу.

От этих важных слов моё любопытство превзошло себя и заставило меня сунуть свой нос посреди дядек в грязной спецодежде.

И что же я увидел! Это то, что я увидел, затмило все мамины слова, всю ценность экскурсии по фабрике, всё, что было у меня перед этим! Это был подшипник, который эти дядьки должны были поставить на этот громадный станок. Что это был за подшипник! О! Это был громадный подшипник! Это был изумительный подшипник! Это был не просто подшипник – это был заведомый путь ко всем нашим будущим выигрышам в шарики.

В нём были такие шарики! Ни у кого из всех наших пацанов не было таких громадных шариков. Это были битки! Это был наш выигрыш!

Я подтолкнул Черёму локтем и показал ему глазами на этот подшипник. Черёма ничего не понял, а только лупал глазами. Я заторопился покинуть токарный цех и потянул за собой Черёму, чтобы побыстрее выйти через проходную фабрики.

Мама даже забеспокоилась:

– Куда же это вы?

– Уроки надо доделать, мама, – озабоченно, уже на бегу крикнул я ей.

Черёма ничего не понимал, когда мы выбежали за проходную фабрики.

– Что такое? Что случилось? Чего ты бежишь? – всё повторял он.

– Быстрее, быстрее, – всё торопил я его.

Мы оббежали фабрику вокруг, подкрались к забору и оказались как раз напротив токарного цеха. Мужики всё ещё толпились около станка, но, видимо, собирались уже уходить.

– Тихо сиди, – приказал я Черёме. – Сейчас они уйдут на перерыв, после него установят вон тот громадный подшипник на место, и у нас не будет битков.

– А-а-а, – протянул Черёма. – А я думаю, куда ты побежал? – и тут же стал соображать. – А как же мы его вытащим? А как мы его разобьём?

– Подожди. Всё потом. Самое главное – надо, чтобы нас никто не заметил. А потом уже сообразим, что нам делать.

И мы стали ждать. Мужики и в самом деле скоро ушли. Я же слышал, как они тогда говорили, что если они не закончат работу до конца рабочего дня, то всё равно будут работать, пока станок не будет собран.

Мы немного подождали и прокрались в цех. Там никого не было. Все станки стояли, и вокруг была тишина. Рабочее время первой смены было закончено, и поблизости никого не было.

Подшипник лежал на прежнем месте. Мы попытались поднять его. Но не тут-то было. Оказалось, что он очень тяжёлый и неподъёмный для нас. Пришлось катить его к забору. Еле-еле мы просунули его в дырку и докатили до бетонной стенки. Поставили его вертикально. Я пару раз ударил его палкой, но он даже не сдвинулся с места.

Что же было делать? Неужели мы его зря стырили? Неужели придётся переть его назад? Ну уж нет! Надо было что-то делать. И тут мысль пронзила меня. Во дворе же лежит куча чугунных шаров от грохотов. А если ими разбить этот подшипник. Правда, шары тяжёлые, но прикатить их можно. Точно! Так и сделаем.

– Давай шары прикатим. Ты один, да и я другой, – предложил я Черёме, но тот с недоверием посмотрел на меня.

– А получится?

– Не бзди горохом. Давай быстрее, пока у них пересменка.

Мы опять проникли на заводской двор через дырку в заборе и с превеликим трудом прикатили к бетонной стенке два шара. С трудом закатали их на стенку и сели передохнуть.

– Значит, так, – поучал я Черёму. – Берём по шару и кидаем на подшипник. Он должен расколоться. Пацаны говорили, что они быстро колются, – хотя в своих словах я был не особо уверен. Потому что я знал это только со слов пацанов. Тем более, что они рассказывали только о маленьких подшипниках. А про такой здоровенный подшипник никто никогда и не говорил. Черёма смотрел на меня с недоверием.

– Так уж и расколется? – с недоверием переспросил он меня. – Смотри, какой он здоровый. А эти шары маленькие. Надо же ещё и попасть по нему?

– Попадём, – с нахальной уверенностью, сплюнув на сторону, процедил я ему.

– Давай поднимай, – приказал я ему.

Мы вдвоём подняли этот хоть и маленький, но тяжеленный чугунный шар, прицелились и бросили вниз на подшипник.

Хоть мы и попали в него с первого раза, но подшипник не раскололся, а только глубже ушёл в землю. Я догадался. Под подшипником должно быть что-то твёрдое. Мы нашли большой плоский камень, притащили его к стенке и установили на него ребром подшипник. Приготовились к броску и бросили вновь вниз этот тяжеленный шар. Удар был неточен. Шар полетел в одну сторону, ну а подшипник только завалился набок.

После пятой попытки силы у нас закончились. Мы сидели взъерошенные, потные, грязные, запыхавшиеся (на нас же была школьная форма, в которой мы пришли на экскурсию к маме) и усталые.

– Всё! Давай в последний раз. Получится, так получится. А не получится разбить эту гадину, то откатим его обратно в цех, – решил я.

Мы опять вдвоём подняли этот тяжеленный чугунный шар, прицелились и бросили его на подшипник, который зловеще стоял внизу.

И о чудо! Шар попал точно по подшипнику. Тот как-то звонко крикнул и раскололся. Некоторое время мы стояли в недоумении. Как? У нас получилось? Да! Получилось! Мы всё-таки раскололи этого монстра! И мы заплясали и заорали на краю бетонной стенки. Потом спустились вниз и начали собирать раскиданные шарики. Но это были необычные шарики. Это были шары. Это были битки! Ни у кого из наших пацанов таких битков ещё никогда не было. Теперь мы будем вечными победителями! Ура!

Завернули битки в какую-то тряпку и осторожно отнесли к нам в сарай. Ключ от сарая лежал под порогом. Так что сарай было легко открыть и спрятать там битки.

Вот тут только мы и посмотрели друг на друга. Да! Вид у нас был не из лучших. Вся наша школьная форма была перемазана грязью, ржавчиной от чугунных шаров и тавотом от подшипника. Вот за это нам уж точно попадёт. Мы попытались оттереть грязь друг с друга, но ничего не вышло.

– Да ладно. Будь что будет. Отлупят, так отлупят, – по-философски решили мы. – Зато у нас есть битки! – и мы разошлись по домам.

Дома я быстренько спрятал грязную форму в ванной и долго-долго мылся с мылом. Тётя Глаша ничего не заметила. Потом пришла мама. Она покормила нас и уложила спать. Но от всего пережитого мне не спалось.

Папа пришёл поздно вечером. Слышалось, что он был не в духе. Что-то серьёзное случилось на работе. Я осторожно вылез из кровати, пристроился за углом в коридоре и пытался подслушать, о чём же они будут говорить.

Мама накрыла на стол и села рядом с папой. Папа и вправду был зол. А мама всё допытывалась:

– Что же случилось? Ведь вечером всё же было хорошо.

На что папа ей начал изливаться:

– Эти спецы из токарного цеха пропили подшипник или задевали его куда-то. Они так и не собрали станок. Они так и не выточили вал к барабану грохота. И теперь месячный план фабрики не будет выполнен, и мы все лишимся месячной премии. Чёрт бы их всех побрал, – негодовал он. – Поувольняя всех к едрёне бабушке. Сколько сил я потратил, чтобы добыть этот подшипник. И всё коту под хвост! Нет! Этого я так не оставлю!

Мама как-то пыталась успокоить его, а я потихоньку, как нашкодивший кот, быстро юркнул к себе в комнату, зарылся под одеяло и крепко заснул. День был очень трудный.

Никогда папе я не рассказывал про этот подшипник. Да он меня бы и не понял. Он был по-настоящему красным директором, для которого смыслом жизни была работа.

А мы с Черёмой стали победителями этого сезона в шарики-ролики. У нас их было столько, что потом мы и не знали, куда их девать.

Кислота

Я ждал Черёму после уроков. Их класс сегодня по каким-то причинам немного задержали, и я стоял около лестницы на выходе из школы, чтобы не пропустить Черёму. Я знал, что он не будет выходить через заднее крыльцо. Оттуда в это время было опасно выходить. В это время там во дворе играли пацаны из интерната. И можно было запросто нарваться на неприятности, которые обычно заканчивались дракой.

Поэтому мы всегда использовали для выхода парадный вход и всегда старались вываливаться оттуда гурьбой, чтобы никто из интернатских к нам не пристал.

Но сегодня у выхода из парадных дверей школы я стоял один. Наконец-то Черёмин класс стал выбегать из дверей.

Вот и Черёма.

– Вовка! – окликнул я его.

Он увидел меня и засиял. Ему тоже не хотелось идти одному домой. А вдвоём интереснее и веселее.

– Привет! – ответил он мне, как будто две перемены назад мы не гоняли вместе с ним в школьном дворе. – Чего ждёшь? Или скучно идти домой?

– Нет. Не скучно, – загадочно посмотрел я на Черёму. – Дело есть.

– Какое это дело? Опять лупить потом будут? – опасливо спросил Черёма.

– Да не бзди горохом, – веско растягивая слова, ответил я ему. – Просто после школы переодевайся, и пойдём в одно интересное место. Я вчера там был, и одному там мне не справиться. Твоя помощь нужна.

– Ага. Так и нужна, – всё так же настороженно смотрел на меня Черёма. Он всё ещё не верил в мои благие намерения. Но, почесав затылок, согласился. – Ладно. Рассказывай.

Я взхлёб начал ему рассказывать о перспективе сегодняшнего похода.

– Ты знаешь сарай у задних ворот фабрики? – загадочно спросил я Черёму.

Тот, подумав, ответил нехотя:

– Ну, знаю.

Ещё бы он не знал его. Этот сарай манил нас своей загадочностью, потому что двери его всегда были закрыты на громадный замок, узкие окошки были затянуты колючей проволокой, ночью на него всегда светил огромный прожектор. Сколько раз мы подбирались к нему, чтобы заглянуть вовнутрь, через щели в дощатых стенах, но внутри ничего не было видно. И это нас ещё больше раззадоривало.

– Вчера я там был вечером, – заговорщицким шёпотом пытался я объяснить всё Черёме. – Одна доска на задней стенке отошла, и можно туда залезть. Но одному мне не отогнуть эту доску. Силы маловато. Но я притащил туда трубу. Вместе мы отогнём эту доску. Да и внутри темно. Надо, чтобы кто-нибудь светил фонарём. Ведь там такая темень, как в пещере Алладина.

– Нет! Я туда не полезу, – категорически отказался Черёма. – А если поймают? Что тогда будет? Опять лупить будут? Нет, я этого не хочу, – по-прежнему отказывался Черёма.

Мы уже подошли к его дому, и пора было прощаться. Но мне так хотелось залезть в этот сарай и узнать, что же там такое секретное хранится. И тогда я привёл последний аргумент:

– Друг ещё называется, – обиженно пробурчал я, отворачиваясь. И добавил: – Вон Том Сойер со своим другом не расставался, и они нашли клад.

О приключениях Тома Сойера и его друга Гекльберри Финна мы читали взхлёб, и нам тоже очень хотелось найти клад и стать знаменитыми пацанами. Мы так об этом мечтали.

– А вдруг в этом сарае абреки спрятали клад? И если мы его найдём, то отдадим его в школу и о нас напишут в газете, – всё ещё не сдавался я.

И этот мой последний аргумент полностью сломил сопротивление Черёмы. Он согласился:

– Ладно. Вот покушаю и тогда выйду. Без этого меня из дома не выпустят, ты же знаешь.

Я был безмерно рад. Черёма пошёл домой, а я взлетел на второй этаж нашего нового дома, закинул портфель в угол и заглянул на кухню. Нашёл пару бутербродов, съел их, запил молоком и начал собираться в поход за кладом.

Поменял батарейку в фонаре, а то после недавнего путешествия по подвалам нашего дома он светил слабовато. Эти плоские батарейки всегда были в продаже в нашем хозяйственном магазине, но не всегда можно было сэкономить деньги на их покупку. Но вчера я перетерпел искушение купить пирожки в буфете школы. И теперь у меня была новая батарейка. Фонарь светил хорошо. Я проверил его в темноте ванной комнаты. Луч бил прямо и сильно. Я отрегулировал точку и остался доволен своим сокровищем. Это был китайский фонарик, который папа привёз мне из Москвы.

Надо было взять ещё складной нож, который подарил мне папа, небольшой моток проволоки и верёвки. Это на всякий случай. А вдруг придётся спасаться. Тогда без них нам совсем будет плохо. И, конечно, спички. У настоящих путешественников всегда с собой были спички. Я завернул их в кальку и перевязал резинкой. На случай дождя во время нашего путешествия.

Всё это богатство я рассовал по карманам, оделся и выбежал из дома.

Вовка жил в таком же соседнем доме, но только их квартира была зеркальным отображением нашей. Я поднялся на второй этаж и, еле дотянувшись до звонка, позвонил.

Дверь, как всегда, открыл Юрка, Вовкин старший брат. Он сверху вниз презрительно посмотрел на меня и крикнул вглубь квартиры:

– Вовка! Иди! К тебе Макарон припёрся.

Вовка сразу же выбежал.

– Заходи, – торопливым шёпотом встретил он меня, – я сейчас, – видно, он тоже нешуточно собирался.

Вскоре мы вышли из дома и направились к задним воротам фабрики.

Огромный серый сарай, как и прежде, возвышался возле них. Он как бы составлял часть забора и являлся продолжением ворот.

Мы осторожно огляделись перед подходом к этой громадине и осторожно прокрались к задней стенке сарая. По всей видимости, недавно кто-то ремонтировал забор и, когда прибавал колючую проволоку на соединении сарая с забором, повредил одну из досок сарая.

Я это только вчера обнаружил. Доска немного отошла от общей стенки, и за ней зияла щель. Но щель была мала, чтобы в неё пролезть.

Вчера я притащил кусок трубы, чтобы расширить её, но силы у меня одного не хватило, чтобы отогнуть её. Поэтому я привлёк для этой операции Вовку.

Мы подкрались к задней стенке сарая и заглянули в щель. Внутри была зловещая темнота. Даже фонарь не пробивал её. Это всё предвещало то, что там внутри обязательно должен быть клад.

– Давай возьмём трубу, просунем её в щель, надавим вдвоём и увеличим щель. Этого нам хватит, чтобы пролезть вовнутрь, – предложил я Вовке.

Тот уже был на всё согласен. Его уже увлекла жажда путешествий и открытий.

Мы просунули трубу в щель, навалились на неё, и доска с противным скрипом сдвинулась с места.

Теперь щель была настолько большая, что в неё можно было пролезть, что мы и сделали через минуту. Конечно, мы не ящерицы, которые свободно проникают в самые узкие щели, но туда мы пролезли друг за другом. И даже нигде не зацепились ни за какие углы и гвозди и не порвали ни брюки, ни куртки.

Внутри была крошечная темнота. Воздух был жарким и спёртым. Было очень тихо. Даже шум фабрики не проникал сюда. Это ещё больше подчёркивало таинственность нашего проникновения в сарай. Мы сразу включили фонарики.

К стенке сарая почти вплотную были поставлены в несколько рядов какие-то ящики. Пройти вперёд было невозможно. Пришлось взобраться на самый верх этой пирамиды из ящиков по самим ящикам.

Паутина противно липла к лицу и рукам, но мы, цепляясь за края ящиков и вставляя пальцы в щели между ними, взобрались на самый верх. Сверху этой пирамиды мы осветили сарай. Вдоль всех стенок стояли стопки картонных ящиков, и на каждом из ящиков была или жёлтая, или красная этикетка. Вниз спуститься было страшно – высоко.

Я попытался спуститься, но один из ящиков, за который я держался, зашатался и рухнул вниз. В абсолютнейшей тишине раздался страшный грохот. Это было страшнее грома в грозу или грохота взрыва, когда буловики взрывали породу. Это был ад! Мы замерли от страха и сидели наверху ни живы, ни мертвы. Не дай бог, если бы кто-нибудь услышал этот грохот. Но грохот стих. Мы подождали ещё некоторое время, притаившись на вершине пирамиды из ящиков. Но никто не появлялся. Вокруг сарая по-прежнему было ни души. Значит, никто нас не услышал и можно продолжать дальнейшие исследования.

Мы сидели, затаившись в наступившей тишине. От страха у меня тряслись колени. Да ещё снизу началось раздаваться какое-то странное шипение. Как будто внизу проснулась тысяча змей.

Я посветил вниз фонарём. По полу сарая разливалась какая-то жидкость из разбившихся ящиков. И она начинала пениться. Это уже было интересно. Дрожь от первого страха прошла, и начало разбираться любопытство.

Я вытащил нож и надрезал крышку одного из ящиков. Посветил во внутрь. Внутри были какие-то серебряные цилиндры.

– Смотри: серебро. Это что? Клад? – завороченно прошептал Черёма.

– Сейчас посмотрим, что это за клад, – как бывалый кладоискатель, ответил я ему. Вытащил один из серебряных цилиндров из ящика, потряс его. Внутри что-то булькало. Странно. Наверное, это была та жидкость, что разливалась по полу. Я размахнулся и швырнул цилиндр вниз.

Стекло цилиндра с грохотом расколосось, и из него потекла какая-то маслянистая жидкость. Вовка светил вниз и наблюдал, как она со зловещим шипением расплзается по полу.

Он тоже вспорол другой ящик и вытащил оттуда такой же цилиндр. Размахнулся и тоже швырнул его вниз. Цилиндр расколосся, и из него тоже потекла та же жидкость. Когда его и моя жидкость встретились, то, к нашему удивлению, они стали пениться.

Вот это да! Вот это здорово! Мы совсем осмелели и начали швырять серебряные цилиндры вниз один за другим, толкать ящики ногами, чтобы они падали вниз.

Вокруг стоял только звон разбитого стекла и шипение разлившихся жидкостей. Весь пол был в пене. Нас обуял азарт. Хотелось, чтобы пены было больше и больше. Но тут Вовка чего-то закашлялся, да и у меня стало першить в горле и слезиться в глазах.

Поняв, что мы что-то тут такое натворили, мы быстренько спустились с этой пирамиды ящиков вниз и вылезли через щель. Пол около щели был почему-то мокрый.

Когда мы вылезли и отдышались, то у нас начало щипать лицо, руки и ноги. Мы побежали к ближайшей колонке мыть их.

Каково же было моё удивление, когда я увидел, что чулки в сандалиях стали разлезаться на ниточки. Тут уж мы воды не жалели. По очереди жали рычаг колонки и то и дело подставляли под упругую струю воды то руки, то ноги.

Хорошо, что на нас были старые брюки. На них тоже стали появляться дыры.

Мы заворожённо смотрели на это чудо, как наша одежда сама собой разлезалась на клочки.

– Смотри, Вовка. У меня от чулок почти ничего не осталось, – удивлённо смотрел я на свою одежду.

– И у меня тоже, – так же удивлённо лепетал Вовка.

– Давай, бежим быстрее по домам. Надо сразу умыться и переодеться. А эту старую одежду надо побыстрее выкинуть на помойку. Только ничего никому не говори. А то нам точно влетит. Это должно остаться нашей самой страшной тайной, – скомандовал я, и мы со всей нашей прытью понеслись по домам.

Дома ещё никого не было. Я скинул всю одежду и залез в ванну. Горячей воды не было. Для этого надо было бы растопить колонку. Но уже был пятый час, и мама должна была скоро вернуться с работы. На растопку колонки времени не было. И я, повизгивая от холода воды, старался промыть те места, которые до сих пор чесались.

После мытья на ногах и на руках остались только небольшие покраснения. Но это было уже не страшно. Я собрал повреждённую одежду в мусорное ведро и вынес его на помойку. Потом разложил учебники и стал ждать маму.

Она вскоре пришла, но, увидев меня за раскрытыми книжками и тетрадками, только похвалила меня:

– Умница. Занимайся, занимайся, – а когда она увидела, что и мусор вынесен, то вообще растрогалась, подошла ко мне и погладила по голове:

– Ты вообще сегодня молодец. Я пойду в детский сад за Андрюшкой, а ты продолжай заниматься. Когда я приду, то мы вместе всё и проверим.

Когда она ушла, то я вздохнул с облегчением: «Фу! Ничего не заметила! Пронесло. Как там дела у Черёмы? Не попался ли он?» – всё донимала меня мысль.

По телефону я набрал Вовкин номер. Трубку поднял Юрка.

– Позови Вовку, – попросил я его. Тот, как всегда, недовольным голосом позвал Вовку.

– Ну как у тебя? – шёпотом спросил я у него.

– Да всё хорошо. Мусор вынес. Меня даже за это похвалили, – так же шёпотом отвечал мне мой подельник.

– Ладно. Если не заметили, то всё хорошо. Давай. До завтра, – и повесил трубку.

Папа всегда приходил поздно вечером. У него всегда было очень много работы. Мама его кормила, а потом он звал нас и рассказывал нам нескончаемую сказку о солдате Иване Ивановиче и его приключениях.

Эти сказки были очень интересными, и на прошедших каникулах я даже записал в тетрадку часть этих сказок. Получилась почти целая тетрадь. Я бы и больше записал, но меня отправили в пионерский лагерь, а потом мы всей семьёй поехали в Сочи. Тетradка была куда-то закинута, и я о ней забыл. А сейчас папа продолжал эти нескончаемые сказки. Мы с братом заворожённо их слушали и всегда с неохотой воспринимали папины слова:

– Ну, а что было дальше, вы узнаете завтра.

И сегодня сказка закончилась теми же словами. Пришлось опять идти мыться перед сном. Мама увидела розовые пятна на моих руках и ногах и всполошилась.

– Опять, что ли, у Алёши началась аллергия, – говорила она папе на кухне. На что тот ей ответил:

– Посмотрим завтра. Если пятна не пройдут, то отвезу его с утра к Собанову.

Сердце моё так и обмерло. Точно: лупить будут.

Я долго ворочался с боку на бок, представляя завтрашнее разоблачение.

Но утром у меня никаких пятен не было. Мама была просто счастлива. Она только меня допытывала о том, что я ел вчера. Ну, тут моя фантазия ограничений не имела. Я знал, что мне есть нельзя:

– Цахтон с чёрным хлебом и солёные огурцы, а потом шоколадку, – не сморгнув, соврал я.

– Да что же это такое! Я же тебе тысячу раз говорила, что это тебе нельзя, – возмущению мамы не было предела. – Хочешь опять в больницу? Теперь ты уже не у Собанова будешь лежать неделю, а в городе целый месяц! И мы к тебе не сможем приезжать. Целый месяц ты там будешь один, – пугала она меня.

Нет. Туда мне точно не хотелось. И я, заканючив, пустил слезу. На маму слёзы подействовали моментально. Она немного успокоилась и назидательно внушала мне:

– Пообещай мне, что ты это больше кушать не будешь. Только хорошо пообещай. Чтобы я могла тебе верить.

Пришлось обещать всё то, что требовала мама. И это возымело результат.

– А если ты будешь выполнять свои обещания, то мы с папой, когда будем в городе, купим тебе новый альбом для марок и самые новые серии марок.

Ну, за это я вообще был готов на всё. И тогда уже я от всей души клялся, что ни за что на свете не нарушу маминых запретов.

Но пора было идти в школу. Уже стоя в дверях, я услышал, как мама говорила папе:

– Видишь, ребёнок не может самостоятельно правильно питаться. Нам нужна домработница. Она будет за ним следить. И тогда мы забудем о лекарствах и больницах.

Что ответил папа, я уже не услышал, потому что ринулся вниз по лестнице и мчался к Черёмину дому.

Вон и он. Черёма уже шёл впереди меня. Я догнал его. Запыхавшись, я выпалил:

– Ну, что? Обнаружили?

Черёма сверкнул глазами.

– Не-а! Я всё убрал и выкинул, как и договаривались, – тархтел он. И тут же снизил голос и, оглядываясь по сторонам, прошептал: – А здорово эта штука шипела и пенилась! Что же это такое было?

– А! Не знаю, – отмахнулся я. – Наверное, какая-то химия. Забудь. И никому не говори. А то точно нам головы открутят.

И мы продолжали наш путь в школу через мост над бушующим Ардоном вдоль стройки и нашего бывшего детского сада.

Жизнь наладилась. Я выполнял данное маме обещание, приносил только хорошие отметки. Прасковья Антоновна не звонила больше маме о моём безобразном поведении. У нас появилась домработница тётя Глаша. Всё было прекрасно. Папа каждый вечер нам рассказывал о нескончаемых приключениях солдата Ивана Ивановича.

Но как-то он в разъярённом состоянии вернулся поздно вечером домой. Я понял: сегодня сказок не будет.

Папа даже ничего и не поел. Он только ходил по кухне и у себя в кабинете долго курил. Мама пыталась его успокоить, но у неё ничего не получалось.

Из любопытства я прокрался к кабинету и слушал, как папа поносил каких-то пожарных, которые только и знают, что спать и пить араку. Они сорвали очередное освидетельствование пожарного оборудования. Теперь из-за их разгильдяйства половина запасов зарядов для огнетушителей разбита и уничтожена. Управлению из-за их халатности придётся выплачивать какие-то штрафы и нести громадные убытки. Папа в пылу обещал им всем снести головы, наказать, оштрафовать, снять с должности.

Сердце моё уже не билось от страха, оно где-то трепыхалось далеко в пятках. А папины слова «кислота, разбитая кислота» испугали меня больше всего.

Так вот почему разлезлась наша одежда и пекло кожу на руках и щеках. Это была страшная кислота. Она же могла нас просто сжечь, оставить слепыми или калеками. Нам

просто повезло, что мы сидели наверху и этот страшный яд не коснулся нас. Ну его к чёрту, эти клады. В посёлке их точно не найдёшь. Надо их искать в другом месте.

А сарай этот мы с Черёмой обходили потом десятой дорогой.

Пистолет

Сегодня папа пришёл домой в хорошем настроении и не такой усталый. Мама его покормила, и он позвал нас на очередную сказку о похождениях Ивана Ивановича. Как всегда, мы уселись вокруг кухонного стола и внимательно, не перебивая папу, слушали о том, какой же он молодец, этот солдат.

Как обычно, папа закончил сказку словами:

– А что будет дальше, вы узнаете завтра, – и затем выпроводил нас спать, несмотря на все наши стоны и просьбы продолжить рассказ.

Но после впечатлений от походов нашего любимого героя я не мог уснуть и выбегал то в туалет, то попить, а то просто разрешить насущно важный жизненный вопрос, который возник в данный момент. На эти мои выбегания родители реагировали спокойно и всегда старались полностью удовлетворить моё любопытство.

А сегодня, в один из таких вечерних визитов к родителям я услышал, как папа рассказывал маме о том, что произошло сегодня у них в рудоуправлении и почему у него такое хорошее настроение.

Оказывается, что сбылась его давнишняя мечта. Теперь в нашей столовой будет самый настоящий морозильный прилавок, и продукты теперь не будут пропадать, и рабочие всегда смогут кушать свежие блюда и пить холодные напитки. Папа потратил очень много сил, чтобы этот прилавок был у нас. И теперь он был очень доволен.

Прилавок должны будут привезти завтра после обеда. А через несколько дней приедут специалисты и поставят его в столовой.

Мне было очень интересно, что же это за такое чудо этот агрегат, который будет помогать жить рабочим фабрики и жителям всего нашего посёлка. И я решил, что надо обязательно посмотреть на это чудо техники, когда его привезут. С этой мыслью я и уснул.

На уроках мне спокойно не сиделось, и учителя постоянно делали мне замечания, чтобы я не вертелся и не отвлекал других учеников от занятий.

Наконец-то уроки закончились, и я пулей побежал домой.

Своей озадаченностью я на переменах поделился с Черёмой. Мы договорились с ним обязательно встретиться после школы около столовой.

Задний двор столовой выходил на небольшую площадь, где находились базар и несколько магазинов.

Место было очень знакомое. Когда было трудно с хлебом, то я торчал там часами в очереди, ожидая подвоза свежей порции хлеба у магазина. Каждый день мама посылала меня туда в молочный магазин за молоком. И после школы я всегда ходил туда с бидоном. Чтобы было нескучно, то и Черёма иногда ходил туда вместе со мной. Ему тоже давали задание, чтобы он покупал молоко.

А сейчас нам ни хлеба, ни молока не было нужно. Мы просто пришли посмотреть, что это за прилавок такой интересный. Папа вчера говорил, что его привезут после обеда. Но послеобеденное время уже наступило, а машины с прилавком так ещё и не было.

Черёма прямо изнылся:

– Вот сидим мы тут только зря. Время идёт, а прилавок так и не везут. А привезут ли его вообще? Пора делать уроки. Мать придёт, увидит, что уроки не сделаны, и будет ругать. Нет, пора идти домой. Завтра вот и посмотрим на этот прилавок. А то и лучше будет посмотреть на него, когда он будет уже в столовой.

Я уговаривал Черёму подождать ещё немного. Ведь до города далеко, и машина может опоздать, ведь это же не автобус, который ходит по расписанию. Но Черёма не унимался и всё ныл. Тогда я уже пошёл на крайнюю меру. Мы пошли на базар, и я купил самый большой

стакан семечек за десять копеек, которые я сегодня сэкономил на завтраке. Набили семечками карманы, сели на корточки у стены парткома и щёлкали их. Тут уже Черёму слышно не было, так как рот его был занят семечками.

Подъехал подъёмный кран и встал около ворот на входе во двор столовой. Водитель его прошёл в помещение столовой. А через несколько минут подъехал грузовик. Из него вышли двое дядек. Они тоже прошли в столовую.

Я подтолкнул Черёму в бок:

– А ты не верил, что привезут, – и мы подбежали к грузовику посмотреть, что же там лежит в кузове. Но борт грузовика был очень высок, и мы ничего не успели рассмотреть, так как из столовой вышли дядьки, открыли борт грузовика, залезли туда, зацепили какой-то деревянный ящик и краном вытащили его. Ящик поставили у забора.

Потом дядьки сели в грузовик, а водитель крана в свой кран, и они разъехались.

Ворота у столовой закрылись, и на площади мы остались только одни.

Вот это да! Вот это облом! Мы были не то что разочарованы, мы были просто убиты. Где же это то чудо, про которое вчера весь вечер рассказывал папа? Что же это такое? Как же так? Что? Ничего нет? Просто какой-то ящик! И всё?

Ещё больше мне было неудобно перед Черёмой. Я-то порассказывал ему про какие-то чудеса, а в итоге мы увидели только простой ящик. И больше ничего.

У Черёмы на лице было точно такое же выражение удивления и разочарования. На что он мне только и сказал:

– Эх ты... Трепло. Тут только ящик и никаких прилавок. Пошёл-ка я домой. Уроки надо делать.

Я остался один. Но как же так? Почему ящик?

И только сейчас до меня дошло. Ведь чтобы не повредить этот прилавок, его просто запаковали. Потому и ящик. Ведь это же только упаковка! Прилавок – внутри! Всё просто!

Я огляделся. Никого на площади не было. Никто на меня не обращал никакого внимания. И я решил пробраться во двор столовой. В воротах была громадная щель. В неё я пролез без труда. Во дворе тоже никого не было. Ящик так же стоял у забора в углу.

Я быстренько пробежал к нему и спрятался за угол. Здесь меня тоже никто не увидел. Я посидел несколько минут. Подождал, пока меня перестанет бить нервная дрожь. Отдышался и стал ощупывать ящик. Он был просто громадный. Доски были сбиты неаккуратно, и можно было заглянуть внутрь него через широкие щели. Внутри я ничего не разглядел. Но там точно было что-то очень большое.

Я просунул пальцы в щель между досками и попытался отодрать одну из них. На удивление, доска поддавалась с противным скрипом. Он был настолько пронзителен, что я подумал, что все люди в столовой и во дворе его услышат. Но вокруг было по-прежнему тихо. Никто не выбежал из столовой, никто не кричал на меня и не тащил за ухо к директору или к родителям. Тогда я ещё больше отогнул доску и просунул голову внутрь ящика. Никакого чуда я не увидел. Перед носом у меня были какие-то провода и медные трубки. А дальше в темноте ничего невозможно было разглядеть.

Разочарованный, я вытащил голову из ящика, огляделся и опять вылез на площадь через щель в воротах.

Когда я пришёл домой, то сразу сел за уроки. Но мысль о трубках и проводах не давала мне покоя. Задачи не решались, стихи не учились. Я сделал всё кое-как, с надеждой, что когда придёт мама, то мы с ней всё исправим.

Меня всё глодала мысль об этих блестящих медных трубках. Давно мы с Черёмой их искали. Где только ни лазили, но таких трубок, как нам было надо, мы нигде не смогли найти. И вот тебе на! Они находятся в этом самом ящике, который стоит во дворе столовой. Это же тот самый размер, который бы подходил под патрон мелкашки.

Недавно пацаны смастерили из таких трубок поджиг. Они выстругали из доски приклад, примотали к нему проволокой медную трубку. В трубке сбоку проделали отверстие для запала. Дуло набивалось серой от спичек, потом она утрамбовывалась пыжом, сверху укладывалась дробинка, она тоже утрамбовывалась таким же пыжом. Потом через боковое отверстие заряд поджигался, и поджиг стрелял. На стенах сараев оставались чёрные пятна. Правда, в воробья попасть было невозможно, так как поджиг долго шипел перед выстрелом, а воробей, испугавшись шипения, уже успевал улететь. Но всё равно было очень интересно.

Но у меня была другая мысль, и мы с Черёмой её уже обсуждали. Не надо набивать дуло серой, надо просто стрелять патронами от мелкашки. Они запросто продавались у нас в хозяйственном магазине. Юрка, Вовкин брат, недавно купил целую коробку за пятьдесят копеек, и они ходили в горы со своими пацанами стрелять из винтовки. Вовка стырил у Юрки десяток патронов, и их наличие не давало нам покоя. А чтобы стрелять патронами, надо было иметь такую медную трубку, которую я видел в ящике на столовском дворе. Но надо было ещё сделать затвор.

Вопрос, как его делать, мы тоже уже разработали с Вовкой. Надо было просто снять шпингалет с окна и заточить напильником его один конец, чтобы он с помощью пружины бил по капсюлю патрона своим остриём. Этот шпингалет должен был стать бойком. Пружина у нас была. Её откуда-то притащил Черёма. Откуда скрутить шпингалет, я уже знал.

Самое трудное – это надо было заточить правильно конец шпингалета. Шпингалет должен был быть зажат в тиски. Нам на уроках труда в школе показывали, как работать напильником. И мы часами на уроках труда пилили какие-то железяки, измеряли их штангенциркулями и подгоняли под нужные размеры.

Но это было в школе, а тут совсем другое дело. Дома было нельзя пилить. Тётя Глаша моментально рассказала бы об этом маме. Значит, надо было делать это в сарае. Сарай у нас был большой, тёплый и светлый. Там был стол для работ и кое-какой инструмент. Самое главное – там были маленькие тиски, которые папа подарил мне после инцидента с Басиевым.

* * *

У нас в посёлке было две «Волги». Одна у директора, а вторая у папы. Шофёры этих машин были очень уважаемыми людьми. Они всегда ходили в чистой, отглаженной одежде и возили своих хозяев только в город. На рудники же они ездили только в «ГАЗиках».

А тут под нами на второй этаж поселился один дядька, у которого была своя «Волга».

Как-то я слышал, что папа говорил, что такую машину честным путём нельзя купить. И поэтому папа особо не дружил с этим соседом.

А сосед построил рядом с нашим домом для своей машины гараж. Когда гараж был построен, а это было воскресенье, он позвал всех мужчин нашего дома отметить окончание постройки гаража.

Сосед зашёл к нам домой и лично пригласил папу. Папе было неудобно отказаться, и он согласился. Мама тоже была недовольна этим приглашением. На что папа сказал ей:

– Ну не могу я отказаться. Ведь это же наш главный снабженец. От него очень многое зависит. Нельзя мне портить с ним отношения, – на что уже маме нечего было сказать, и она молча отпустила папу. За папой увязался и я.

Двери гаража были открыты. «Волга» стояла рядом с гаражом. А перед дверями был поставлен мангал, и на нём жарился шашлык. В гараже стоял стол со скамейками по обе стороны. Было шумно и весело. Женщины принесли пироги, всяческие закуски. На столе стояло несколько бутылок и чайники. Я знал, что в этих чайниках не чай, а арака.

Папа сел со всеми мужчинами за стол. Они много говорили, ели и пили. Нам, мальчишкам, тоже перепадало то по куску мяса, то пирога. Но самое интересное было внутри гаража. Это был верстак.

Я протиснулся к нему и с интересом рассматривал всяческие инструменты, которые были прикреплены к стене или лежали на полках.

Больше всего меня заинтересовали маленькие тиски. Они были точной копией тисков, которые были в мастерской нашей школы. Но только они были маленькие. Да к тому же ещё и красного цвета. Я не отходил от них. Крутил ручку зажима в разные стороны, старался зажать в них то гвоздь, то дощечку. Всё выходило на этих маленьких тисках точно так же, как и на больших.

Басиев увидел мою заинтересованность и подошёл ко мне.

– Что? Нравятся? – с улыбкой спросил он меня. Я мотнул головой в знак согласия.

– Забирай, – громко сказал он и махнул рукой. Я не ожидал такого поворота событий и от неожиданности потерял дар речи. – Ничего-ничего, забирай, – всё так же уверенно говорил Басиев.

Этот разговор услышал папа и подошёл к нам.

– Не надо этого делать, Сослан, – спокойно обратился он к нему. – Я же только вчера купил Алёше точно такие же. Спасибо за подарок, но они у тебя здесь в гараже смотрятся лучше.

Басиев ещё немного повозражал, но успокоился и снова сел за стол к мужчинам.

Папа взял меня за руку, и мы пошли домой. Я был в недоумении:

– Пап! Так где же эти тиски? Я их никогда и нигде не видел.

– В гараже у дяди Гриши. Просто я забыл их принести домой. Хотел сразу унести их в сарай, но вчера мы вернулись из города поздно вечером. Думал сегодня это сделать, но дядя Гриша отдыхает, и я не захотел его тревожить по пустякам. А у Сослана ничего не надо брать. А то он подумает, что дал мне взятку, и мне потом трудно будет с ним работать. Договорились? А завтра после работы ты сможешь забрать тиски у дяди Гриши.

Да какой же это пустяк! Это же тиски! Ни у кого таких тисков нет, и папа сам догадался купить их мне. Я был очень рад и вместе с тем удивлён.

– Как же ты догадался, что я хочу точно такие же тиски? – допытывался я у папы. На что тот, загадочно ухмыльнувшись, ответил:

– Секрет. Вырастешь – сам всё поймёшь.

Весь день мне не было покоя. Я десяток раз бегал к гаражу, но дяди Гриши там не было, и гараж был закрыт. Только уже вечером дядя Вася, шофёр директора, сказал мне, что они с моим папой опять уехали в город.

Папа на самом деле вернулся очень поздно. И в руках у него был свёрток. Я так и впился в него глазами. А папа, увидев мой взгляд, улыбнулся:

– Держи. Вот они, твои тиски.

Это и в самом деле были точно такие же тиски, только они были зелёного цвета, но это уже не играло никакой роли. Главное, что папа выполнил своё обещание. Теперь тиски есть и у меня. Это было просто счастье ощущать их вес в своих руках и вдыхать в себя идущий от них запах свежей смазки.

На следующий день я выпросил у папы целый рубль, пошёл в хозяйственный магазин и купил напильники. Потом, пока было ещё светло, прикрепил их на стенку над рабочим столом в сарае. И довольный вернулся домой.

* * *

Так что тиски у нас были. Приклад для будущего пистолета мы уже выстругали и даже отполировали его наждачкой. Но вопрос, где же взять трубку, так и стоял ребром. Нам очень нужна была трубка, которая бы стала дулом для нашего будущего пистолета. Теперь я знал, где достать трубку, и обдумывал план, как бы её добыть из ящика, который стоял во дворе столовой.

Пока мамы не было дома, я приготовил фонарь, кусачки и ножовочное полотно. Я читал, как Овод перепиливал прутья решётки в тюрьме, и подумал, что без такого полотна мне не обойтись. Всё это я рассовал по карманам своей куртки. По продуманному плану, я съел остатки конфет, а те, которые уже в меня не влезали, вынес во двор и раздал пацанам. Сегодня я во дворе был героем. И они еле-еле отпустили меня домой, даже после того, как мама позвала меня кушать.

Когда мама накормила нас ужином, мы сели пить чай. Мама вынула из серванта вазу с конфетами, но она оказалась пустая. Мама очень удивилась, но промолчала, а я ненавязчиво попросил:

– Давай я схожу в магазин. Я быстро. Бегом. И тогда попьем чай со вкусом.

Мама подумала немного и согласилась. Ведь я же уже большой и легко справлюсь с такой простой задачей, как купить конфеты. Она дала мне рубль, убедилась, что я знаю, какие конфеты надо купить, и выпустила меня из дома.

На улице уже смеркалось, и надо было действовать в скоростном режиме.

Через минуту я был уже у ворот столовой. Змейкой проскользнул в щель ворот и тенью пробежал к ящику.

Доска была так же отодвинута. Я вытащил фонарь, осветил внутрь и увидел долгожданные трубки. Достал из кармана кусачки и нажал ими на трубку. Вот тут-то и случилось то, что я даже и не предполагал.

Из повреждённой трубки раздалось громкое и страшное шипение. Всё пространство заполнилось каким-то туманом. Я закашлялся и вынырнул из ящика. И сел около него ни жив, ни мёртв. Снаружи шипение не казалось таким уж страшным и громким. Тем более что оно постепенно затихало. И я решил подождать. А может быть, оно и совсем прекратится? Оно и в самом деле вскоре прекратилось, и я вновь пролез внутрь ящика. Теперь мне пригодилось ножовочное полотно. Я быстро перепилил трубку с одного конца, затем с другого. И вот долгожданная трубка оказалась у меня в руках. Я теперь по-настоящему понял, как узники застенков совершали побеги из тёмных казематов. И действовал, как они.

Рассовав инструмент по карманам, выскользнул в щель ворот и как ни в чём не бывало пошёл в магазин. Купил именно тех конфет, о которых говорила мама, и побежал домой. Но не тут-то было. На пути стоял Жаронд.

– Что несёшь? А ну давай сюда! – скомандовал он. – Всех сегодня угощал. А про меня забыл? – он бесцеремонно заглянул в кулёк, выгреб оттуда горсть конфет и, отвесив мне подзатыльник, пошёл своей дорогой.

С одной стороны, это и было хорошо. Можно было объяснить свою задержку маме, но, с другой стороны, уж очень жалко было конфет.

Мама сразу заметила, что конфет меньше, чем надо, и что у меня зарёванное лицо.

– Что опять произошло? Опять этот Жаронд к тебе приставал? – негодовала она. – Я завтра ему все уши оборву.

А под этот шумок я вынул в раздевалке весь инструмент из карманов, спрятал трубку и пошёл умываться.

Когда пришёл папа, то было решено, что завтра мама пойдёт к маме Жаронда и всё ей расскажет. Я был даже рад, когда представил, как лупят этого Жаронда и он извивается от боли от ударов ремнём. А лупили Жаронда по-настоящему, не то что нас. Нам доставалось так, для острастки, но всё равно иногда бывало и больно. Надо было просто посильнее орать и побольше выпускать слёз. А Жаронду и это не помогало. Он просто молча извивался под ударами ремня. Но потом и отыгрывался на нас. Так что пощады мы от него никогда не ждали.

Следующий день для нас с Вовкой был самым счастливым днём. После школы, побросав портфели и переодевшись, мы побежали в наш сарай.

Трубка была зажата в тиски. Линейкой я отмерил длину будущего дула и отрезал его по размеру. Пока Черёма снимал заусенцы с концов будущего дула, я зажал шпингалет в тисках и начал обрабатывать его ударный конец. Я думал, что обточить боёк будет так же легко, как и отпилить медную трубку. Но не тут-то было. Сталь на шпингалете оказалась очень твёрдой и поддавалась с трудом.

Скоро я устал, сел отдохнуть, а Вовка продолжил эту работу. И вот так, сменяя друг друга, мы долго-долго выпиливали боёк для нашего пистолета.

Но если что-нибудь начать, то оно всегда получится. Боёк вскоре был готов. Чтобы удобнее было работать, приклад был тоже зажат в тиски, и мы прикрепили к нему и боёк, и пружину.

Как же было приятно смотреть на готовый пистолет. Никто из наших пацанов не имел такого, а мы с Черёмой сделали!

Вовка достал патроны, и мы попытались сделать первый выстрел. Но он сразу не получился. То пружина не взводилась, то она потом не спускалась. Пистолет ходуном ходил в руках во время выстрела, и невозможно было точно прицелиться.

Наконец-то мы догадались закрепить его в тисках, и тогда уже пистолет выстрелил.

Радость переполняла нас. Мы прыгали и орали, как дикие негры в пустыне Сахара.

Было решено, что завтра после школы мы пойдём подальше от посёлка в горы и постреляем оставшимися патронами.

Но вечером папа пришёл с работы злой и расстроенный. Оказывается, прилавок ему подсунули бракованный, с поломанной охлаждающей системой. Специалисты пообещали починить его только через неделю, и тогда уже он будет установлен на место.

Через неделю прилавок и правда стоял в столовой. Он сиял своими стёклами в витринах и никелированной сталью на боках. Мы с Черёмой даже подошли к нему и погладили его прохладные бока. Он был очень красивый, и нам было так жаль, что мы доставили ему столько страданий. Но об этом знали только мы и прилавок. Так это и осталось навеки нашей тайной.

А стрелять мы периодически ходили в горы. Потом боёк затупился, пистолет стал давать осечки, и я запрятал его в одно из секретных мест нашего сарая. Может быть, он и до сих пор там лежит.

Уроки труда

Большая перемена длится двадцать минут. За это время можно было купить в буфете пирожок и съесть его, поиграть в догонялки во дворе школы. А можно было просто поиграть в яльчики или послоняться по двору. Да мало ли что? Со временем всё это надоедало. Хотелось заняться чем-нибудь интересным.

Сегодня мне не очень-то хотелось заниматься прежними делами во время перемены. Я дождался Черёму, когда он отойдёт от буфета. Тот с аппетитом уплетал очередной пирожок с повидлом.

– Слышишь, Вовка, – потянул я его в сторону, – ну его, этот двор. Пойдём к Ардону.

Вовка с удивлением посмотрел на меня.

– А что мы там будем делать? – как всегда, наивно спросил он.

– Что, что?! Камни покидаем. Сегодня тепло. Смотри, как солнце печёт. Не бойся, не опоздаем на урок, – уверенно сказал я ему и показал на свои часы на руке, – у нас ещё целых пятнадцать минут в запасе.

Вовка недоверчиво посмотрел на меня, но согласился:

– А пошли. Часы у тебя идут точно.

И мы выбежали со двора школы, повернули налево к Ардону и спустились вниз к этому нескончаемому бешеному потоку воды.

Сейчас, осенью, вода в реке была зеленоватой и не такой холодной. Хотя из-за шума воды приходилось кричать друг другу чуть ли не на ухо, чтобы хоть что-то услышать.

От реки шла прохлада. У огромных валунов, на которые накатывались стремительные потоки воды, стоял небольшой туман от брызг, и иногда над некоторыми из них даже светила радуга. После школьного двора здесь было свободно и вольготно.

Это весной, когда высоко в горах тают снега, Ардон на самом деле был бешеным. Его воды были грязными и намного стремительнее, чем осенью. Они переворачивали огромные камни и легко несли эти обломки скал далеко вниз по течению. Вырванные с корнем деревья неслись, как щепочки. Эту воду невозможно было ни пить, ни умываться в ней. Поэтому в посёлок была проведена труба с водой из верховьев Бадки, и у нас в кранах всегда была чистая и вкусная вода. Папа гордился тем, что люди пили чистую воду. Это была его идея – проложить эту трубу. И он её осуществил. А перед этим в кранах посёлка была вода только из Ардона. Весной вода была негодной для питья.

Я постоянно поглядывал на часы и, когда стрелка подошла к отметке возвращения, скомандовал Вовке:

– Всё! Пора. А то опоздаем на урок.

И мы помчались в свои классы.

* * *

Часы у меня на руке были марки «Победа». Это недавно мы так же были на берегу Ардона и копались в картонных ящиках, выброшенных из магазина.

Иногда в этих ящиках нам попадались интересные вещи. То расчёски, то мыло. Однажды мы даже нашли огромный флакон с одеколоном. Мы им так наполивались, что мама долго-долго отмачивала меня в ванне, чтобы из меня выветрился дух этого одеколона. Опустошённые и проверенные ящики мы с криком победителей швыряли в воду и смотрели, как они, ныряя в бешеных водах Ардона, скрывались за ближайшим поворотом.

И вот однажды в одном из таких ящиков я нашёл коробочку. Когда я её открыл, то был поражён. В ней были часы. Коробочка была вся мокрая. Из неё даже полилась вода, когда я её открыл. Часы были очень красивые. Белый корпус и зелёный циферблат.

В тот день мы перекопали все ящики на этой свалке, но для Черёмы часов так и не нашли.

Часы не работали. Даже после того, как я сушил их весь день на подоконнике, влага из них не ушла. Пришлось рассказать всё маме. Та мне просто не поверила. И только когда тётя Галя подтвердила правоту моих слов (после страстного допроса Вовки), только тогда она сама отнесла часы часовщику, купила для них кожаный ремешок и разрешила мне их носить.

В классе часы были только у меня. И на уроках мне приходилось десятки раз отвечать на вопросы одноклассников, сколько же времени осталось до конца уроков. Так что когда начинаются и заканчиваются уроки и перемены, я знал чётко. И поэтому на урок мы с Вовкой не опоздали.

* * *

После школы, когда уроки закончились, мы вместе шли домой и обсуждали наше сегодняшнее приключение.

– Что? Пойдём завтра на переменке на Ардон? – допытывался я у Вовки. Но тут и допытываться не надо было. Вовка был сразу согласен.

На следующий день мы повторили наш поход на берег реки. Но через несколько дней кидать камни в реку стало надоедать. И мы решили сделать разведку вдоль берега.

Вниз по реке, сразу после спуска, находилась большая заводь. Воды Ардона проносились мимо неё с бешеной скоростью. Тут когда-то давным-давно была построена стенка, укрепляющая берег, и на ней была возведена большущая трансформаторная будка из тёсаных камней, которая и создавала эту тихую заводь.

Мы иногда подходили к этой будке и пытались рассмотреть в щели дверей, что же там такое находится. Но сквозь щели ничего не было видно. Из будки шёл только зловещий гул, и это нас ещё больше интриговало. Двери были закрыты на громадные замки.

В будку проникнуть было невозможно. Да ещё к тому же на дверях были прикреплены таблички со словами «Не влезай. Убьёт» и нарисован страшный череп с перекрещенными костями.

В глубине заводи виднелся вход в таинственную пещеру.

Когда Ардон бушевал весной, то этот вход всегда был залит водой. Вода в заводи бушевала не меньше, чем и на самом течении. А вот сейчас, осенью, воды в реке было мало, и вход в пещеру был свободен. Вода в заводи была почти без волн, но в пещеру всё равно зайти в школьной форме было невозможно. Ноги бы промокли до колен.

На одной из перемен мы с Вовкой почти вплотную пробрались к входу в пещеру. С нашей позиции можно было разглядеть только вход и сырой пол, уходящий куда-то вглубь.

Такая таинственность ещё больше будоражила наше воображение. Мы недавно посмотрели фильм «Граф Монте-Кристо», и наше воображение разыгралось. Нам казалось, что мы на самом деле нашли вход в пещеру, в которой нашёл сокровища беглец из замка Ив.

После уроков было решено идти искать эти сокровища. Главное надо было надеть сапоги и взять фонари.

Вот мы снова около этого таинственного входа. Теперь можно было не бояться и смело идти внутрь пещеры. Фонари включены, и мы двинулись вперёд.

Если идти прямо вдоль скалы и немного подняться на её край, то можно было бы идти без сапог, но внутри пещеры на полу было много воды, и именно там сапоги бы и пригодились.

В самой пещере стоял полумрак. Шум реки почти не был слышен, и каждый шаг по лужам отдавался эхом от влажных стен. С них порой капали громадные капли воды. Так что скоро наши макушки стали мокрыми, и неприятные струйки холодной воды начали стекать по спине.

Пещера оказалась не очень-то и длинной. Мы обследовали все её закоулки. Но следов клада так и не обнаружили. Зато посередине пещеры стояла железная лестница. Она уходила куда-то высоко вверх. И с пола пещеры не было видно её окончания. Конец лестницы терялся в темноте. Силы фонарей не хватало пробить эту толщу тьмы.

Мы с Вовкой стояли в нерешительности.

– Ну что? Что будем делать? Давай полезем наверх. Лестница обязательно должна вести к какой-то двери, – таинственным шёпотом уговаривал я Вовку. Тому тоже было интересно.

– Конечно, полезем. Только ты впереди, а я буду подсвечивать тебе снизу, – поддержал меня Вовка.

Я взялся руками за влажные ржавые ступеньки железной лестницы и полез вверх. Вовка хорошо светил, и скоро стало видно, что лестница упирается в какой-то странный люк.

Я подобрался к нему поближе и попытался сдвинуть его рукой. Но не тут-то было. Люк не сдвинулся.

– Он не двигается, – шипел я вниз Вовке. И тут он предложил:

– А ты попробуй сдвинуть его не рукой, а спиной.

Ничего не оставалось делать, как последовать совету Вовки. Я поднялся ещё на одну ступеньку. Упёрся ногами и руками в ступеньки, подставил спину под люк и, поднатужившись, попытался сдвинуть его в сторону. На удивление, люк легко поддался и отодвинулся. В образовавшуюся щель вниз хлынул поток света, и свет Вовкиного фонаря поблёк. Я ещё больше увеличил щель и вылез в какое-то помещение. Следом за мной туда проник и Вовка.

Мы с интересом оглядывались.

– Где же мы? – недоумевал я.

– Да мы же в трансформаторной будке! – с восторгом чуть ли не заорал Вовка.

И в самом деле. Из угла раздавался знакомый зловещий гул, и на серых шкафах в дальнем углу так же висели таблички с надписями «Не влезай. Убьёт» и такой же череп с перекрещенными костями. Но гул был намного сильнее, чем он слышался снаружи. И казалось, что там находится трёхголовый дракон, который готов плюнуть в нас своим беспощадным огнём.

Мы обследовали внутренности этой будки, но ничего там интересного не нашли. Только в углу валялись какие-то алюминиевые провода.

– А давай сделаем стрелы из этих проводов и уничтожим этого затаившегося дракона, – предложил Вовка. – Помнишь, как в кино Иван Царевич дрался с этим трёхголовым чудищем?

– А что? Давай! – не отставал я от него.

Мы нашли обрывки проводов покороче, выпрямили их, и у нас получились самые настоящие боевые дротики.

– Огонь по дракону! – дружно прокричали мы и кинули в сторону зловещего шума свои дротики.

Но они долетели только до щита, ударились об него и отскочили. Но первый промах нас не огорчил. Ведь у нас в запасе было ещё по несколько штук этих железных дротиков.

– А если подойти поближе и кинуть дротики за щит? Ведь дракон сидит за ним. Вот тогда мы его уже точно поразим! – не унимался я.

Мы подошли на несколько шагов ближе к щиту, за которым был зловещий дракон. Прицелились. И по команде «Огонь!» бросили дротики за щит.

Наверное, мы попали в самое сердце дракона, и он уже точно был поражён. Из-за щита вылетел сноп огня, блеснула яркая молния, и всё стихло. Стояло неопишимо тихо. От страха и от огневых спецэффектов мы сидели на полу и ни слова не могли сказать друг другу.

Я только моргал и старался осмыслить, что же произошло. В глазах вращались какие-то жёлто-синие круги, вокруг всё было серое, и Черёма был еле различим. Он так же сидел напротив меня и с недоумением вертел головой. Постепенно пелена стала сходить с глаз, предметы стали приобретать знакомые очертания, сознание стало возвращаться:

– Что это было? – хрипло выдавилось из полураскрытого рта Вовки.

– Наверное, это была смерть дракона, – таким же хриплым голосом просипел я. Тут Вовка неожиданно подскочил, как будто его кольнули в зад шилом. И с криком: «Ой, помогите, спасите! Бежим!» – ринулся к полураскрытому люку. И исчез в нём. Я помню, как однажды я на Вовкином задку испытал остроту моего шила. Тогда он подпрыгнул точно так же. Но так сильно он тогда не орал.

Его крик как бы и меня разбудил. Но сил хватило только на то, чтобы я встал, поднял наши фонарики, рассовал их по карманам, спустился на пару ступенек вниз по лестнице и задвинул люк. Сразу наступила кромешная темень. В глазах всё ещё плавали разноцветные круги, но мысль работала чётко.

Я включил фонарь и осторожно, крепко цепляясь за прутья лестницы, медленно стал спускаться вниз. Внизу меня ждал Вовка. Он ошалело смотрел на меня и только шептал:

– Давай быстрее. Быстрее бежим отсюда, – только и бормотал он.

Мы, конечно, не побежали, а осторожно выбрались из пещеры, взобрались на кособок возле школы. Я был удивлен количеством бегающих во дворе учеников. Все орали одно и то же:

– Ура! Света нет! Уроков на сегодня не будет.

Оказалось, что на третьем уроке второй смены свет неожиданно потух. Особенно радовались те, у кого были труды. Мастерские находились в полуподвальных помещениях, и там вообще стояла кромешная темень.

И только мы с Вовкой не ликовали. Ведь, как стало потом нам понятно, свет шёл в школу из этой злосчастной трансформаторной будки, в которой за щитом сидел огнедышащий дракон. Тихонечко, чтобы никто нас не заметил, мы улизнули от этой галдящей оравы и рассосались по домам.

Наутро мы с Вовкой поклялись, что про огнедышащего дракона мы никому в жизни не расскажем. Так оно и было. Мы больше никогда не спускались туда, вниз к этой зловещей пещере и никому никогда не рассказывали о страхах, которые мы пережили от встречи с драконом.

Но в шестом классе эта история вспомнилась мне снова. И это случилось только потому, что у нас были труды. На трудах мы пилили напильником какие-то железяки. И это было так нудно и долго, что мне каждый этот урок давался через силу. Учитель труда был страшным занудой. Он придирался ко всему. То не в такой стойке стоишь, то не так держишь напильник, то плоскость пошла вкось, то сотую миллиметра переточил, то недоточил. И так продолжалось целых два урока. После уроков труда в столярной мастерской работа в слесарке была сущим наказанием.

Но кому-то и нравилось выпиливать напильником из бруска железа молоток. А мне это занудство стало поперёк горла. И тогда я вспомнил о наших приключениях с Черёмой,

произошедших несколько лет назад, и решил осуществить свой план прекращения уроков труда.

Теперь-то мне было ясно, что никакого дракона за теми щитами не было. Это были только наши детские фантазии. Там были обычные распределительные щиты от трансформаторов, через которые подавалось электричество в школу и соседние дома.

На перемене перед уроками труда я вновь спустился к пещере. Подсветил себе путь до лестницы и стал потихоньку взбираться по ней вверх.

Теперь я знал, куда мне надо взбираться и что меня ждёт впереди. Было абсолютно не страшно, потому что конечная цель мне была известна.

Люк под напором моего плеча поддался легко, не то что в прошлый раз. Я выбрался из него и осмотрелся. Казалось, что с прошлого раза тут ничего не изменилось. Так же в углу валялась куча проводов. Так же натужно гудело за щитом. Даже наши дротики, брошенные от страха перед зловещим драконом, валялись на прежних местах. Только вот пыли стало больше.

Я осторожно подобрал дротики и обратно залез по пояс в люк. Размахнулся и бросил за щит один из проволочных дротиков. После броска я моментально присел и спрятался в люк. Но ничего не произошло. Наверное, дротик не попал на электрические контакты. Тогда я повторил свою попытку снова. Опять ничего! Щит так же постоянно гудел.

Тогда я прицелился точнее и после броска снова присел на лестнице, чтобы моя голова не возвышалась над люком. Глаза были закрыты. И тут как полыхнёт! Даже сквозь закрытые глаза была видна яркая фиолетовая вспышка.

Но теперь я уже был научен. И не ослеп, как в прошлый раз.

После вспышки я приподнялся в люке. Убедился, что щит уже не гудит, закрыл люк и быстро вернулся во двор школы.

Света в школе не было. Как ни в чем не бывало я прошёл к классам труда. Но там, в коридоре было темно. Все наши толпились у входа и не решались пройти внутрь. Вышел учитель и объявил нам:

– Пока света нет, никому не расходиться. Когда дадут свет, то уроки продолжатся. Всем находиться во дворе.

Но света не дали ни через час, ни через два. И мы спокойненько пошли домой. Во дворе дома меня встретил Черёма. Он подошёл ко мне и заговорщицки спросил:

– Ты сделал?

Оглянувшись по сторонам, я утвердительно мотнул головой.

– А не страшно было? – не унимался он.

– Всё нормально, – бывало процедил я сквозь зубы. – Всё отработано.

На следующий день на перемене я увидел электриков нашего посёлка, которые входили в школу. Они прошли к кабинету директора. В руках одного из них были куски проволоки, в которых я узнал свои дротики. Сердце ёкнуло. Всё – хана! Теперь всё обнаружится.

Электрики долго были у директора. Из полукоткрытой двери я только и услышал, что они убеждали директора, что вчерашнее происшествие со светом – это хулиганство наших школьников.

Директор с ними не соглашалась и пообещала, что приложит все усилия, чтобы узнать правду.

В этот же день была созвана линейка всей школы, и директор с гневной речью рассказала о вопиющем хулиганстве, произведённом кем-то из учеников нашей школы. Но хулиган так и не был найден. Происшествие это вскоре забылось. Жизнь продолжалась своим чередом.

Мне всё равно приходилось ходить на эти нудные уроки труда, и больше трёх моя отметка по ним никогда не поднималась. Хотя по остальным предметам в конце первой четверти троек у меня не было. Преобладали только пятёрки.

Рыбалка

Над Черёмой жил очень серьёзный дядька по фамилии Бочкарев. Работал он в том же рудоуправлении, что и папа. Почти каждый выходной день он ходил на рыбалку. Уходил он утром. Наверное, очень рано. Этого мы никогда не видели. А вот когда он возвращался, то я всегда с интересом подбегал к нему и просил показать пойманную рыбу.

Бочкарев никогда не отказывался показать свой улов. Вокруг сразу же собирались наши пацаны, и мы всегда с восторгом и интересом разглядывали форель, которая водилась в наших бурных реках.

Трудно было себе представить, как эти рыбыны могли преодолевать такое стремительное течение Ардона. И как вообще они могли жить в такой холодной и бурной воде? Бочкарев нам рассказывал о премудростях рыбалки в горных реках, и нам было интересно каждое его слово.

Но таких удочек и крючков ни у кого из нас не было. И нам только и оставалось, что с завистью смотреть на эти уловы Бочкарева.

Приходя домой, я всегда с восторгом рассказывал об этих рыбах, пойманных Бочкаревым, папе. Тот внимательно меня выслушивал и как-то пообещал, что если я закончу год без троек, то он обязательно купит мне такую же удочку, как у Бочкарева, и точно такие же снасти.

Учебный год закончился. Закончил я его хорошо. Но всё-таки в дневнике была одна тройка по труду. Я знал, что не выполнил обещание, данное папе, и поэтому долгожданной удочки я не ждал. Было очень обидно и даже стыдно перед папой. Но что уж тут поделаешь? Одним словом, я обещание не выполнил – и удочки мне не видать.

Начались каникулы. Большинство пацанов уехало в пионерский лагерь «Горняк», который находился недалеко от города. Остальные разъехались по бабушкам и дедушкам, а я остался почти один в нашем посёлке. Были, конечно, и другие пацаны. Но они не были моими друзьями, и мне с ними было неинтересно. Я целыми днями сидел дома и читал книги.

Отец Черёмы имел богатейшую библиотеку, и я ею пользовался. У нас было тоже много книг, но у Черёмы их было намного больше. И выбор был лучше. Поэтому я уже перечитал многое из Майна Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна, Александра Беляева, подобрался к книгам Станислава Лема и Конана Дойля. Я жил в мире приключений и фантастики. Гулять на улице с малознакомыми пацанами мне не хотелось. Просто с ними мне было неинтересно.

Мама всё время пыталась выпроводить меня на улицу, но я находил всяческие причины, чтобы не идти туда. Книги стали моими друзьями.

Папа тоже смотрел на меня с непониманием. И вот однажды он приехал из города с каким-то длинным свёртком в руках. Мы, как всегда, радостно его встретили. И он с такой хитрецей в глазах стал разворачивать этот загадочный свёрток.

Моему восторгу не было предела, когда я увидел, что из свёртка появились удочки. Одна большая и две поменьше.

– Большая удочка – это для меня, – объяснял он. – А эти две – это для тебя и Вовы, – и он протянул нам с братом такое сокровище.

Это были лёгкие бамбуковые удочки. Они легко собирались и разбирались. Их вес почти не ощущался в руке. С восторгом мы благодарили папу за такой подарок. А папа так же загадочно вынул второй пакет и достал из него несколько катушек с леской и крючками. Мама только всплеснула руками:

– Сколько же ты потратил на всё это? – негодовала мама, на что папа только улыбался.

– Теперь мы не будем сидеть сиднями дома, как старые деды, а будем по выходным ходить на рыбалку! – торжественно произнёс он.

Мы прямо завизжали от радости. Но папа немного охладил наш восторг:

– Но для этого надо научиться готовить снасти. Надо научиться готовить лески, привязывать к ним грузила и крючки. А вот как это сделать, покажет вам дядя Витя Бочкарев. Я с ним договорился. Поэтому завтра после работы вы можете пойти к нему домой, и он покажет вам маленькие хитрости рыбаков.

Следующий день, наверное, был самым длинным днём в моей жизни. Я никак не мог дожидаться его конца. Вот и мама уже пришла с работы. Значит, рабочий день уже закончился!

Я приставал к маме:

– Мам, ну позвони дяде Вите. Ну, узнай, когда можно будет к нему прийти, – ходил я за ней следом и постоянно канючил.

В конце концов, она не выдержала и отчитала меня:

– Ты что такой непонятливый? Он же только что пришёл с работы. Дай ты ему отдохнуть. Он же хотя бы поесть должен! – но, уступив моему нытью, всё-таки позвонила. Поговорила, положила трубку и уже мягче сказала: – Иди уже. Он тебя ждёт.

Долго уговаривать меня было не надо. Я пулей вылетел из дома с пакетом, в котором находились лески, грузила и крючки.

Дверь мне открыли сразу. Дядя Витя оказался не таким угрюмым, каким он ходил по улице. Он улыбался, много рассказывал о рыбалке и учил меня премудростям приготовления снастей.

Пальцы не слушались, когда я вывязывал узлы. Было обидно, что у дяди Вити получается всё красиво и гладко, а у меня только какие-то «бороды».

– Ничего-ничего, – приговаривал ободряюще дядя Витя, – у всех с первого раза ничего не выходит гладко. Ты только старайся. И у тебя всё получится. Вон Юрка, – указал он на своего сына, который появился в проёме дверей, – тот только с десятого раза правильно привязал крючок.

Юрка был высокий красивый парень. Он дружил вместе с Юркой Черёминым и Юркой Козловым. Все они были высокими статными ребятами. Они уже учились в девятом классе, хорошо играли в волейбол и играли за сборную школы. Вот и сейчас он собирался на очередную тренировку. Поэтому он не обратил внимания на слова отца, а только потрепал меня по затылку:

– Учись. Когда научишься, возьмём тебя с собой на рыбалку.

Дядя Витя поддержал его:

– А что? Завтра можно и сходить. У меня завтра свободный день. Как ты, Юра, пойдёшь?

Юрка, уже из дверей, крикнул:

– Нет. Мы должны тренироваться. Наша команда должна стать самой лучшей. Скоро соревнования. Пропускать тренировки нельзя. Возьми с собой Лёшку. Ему будет интереснее, – и он захлопнул за собой дверь.

– А что? Неплохая идея, – рассудительно сказал дядя Витя. – Пойдёшь завтра со мной? – поглядел он на меня.

Какие могут быть разговоры?! Какие могут быть вопросы?! Идти на рыбалку с самим Бочкаревым! Это же предел мечтаний! Но из меня только и выдалось:

– Да.

– Ну и хорошо, – удовлетворённо произнёс Бочкарев. – Только подъём будет в пять часов, потому что выходим мы в полшестого, – он ещё раз глянул на меня. – А если хочешь рыбачить, то давай учись и повторяй за мной всё. На рыбалке учёбой уже некогда будет заниматься. Там надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Я ещё долго мучился с этими непослушными узлами. Наконец-то у меня кое-что, похожее на снасть, стало получаться. И вот! Первая снасть получилась!

Бочкарев посмотрел на неё, подёргал за крючок и грузило и одобритительно сказал:

– Вот её-то мы и привяжем к удочке, но надо ещё сделать две штуки в запас. А то вдруг снасть затащит течением под камень и не будет возможности её вытащить. Вот тогда и пригодится запасная.

Я с удовольствием начал делать ещё снасть под покровительственным взглядом Бочкарева. Прощаясь, тот напомнил мне:

– Не забудь: полшестого, как штык чтобы был у моего дома. Если опоздаешь, то я тебя ждать не буду. На рыбалке бывает каждая минута дорога. Понял? – и, получив мой утвердительный кивок, добавил: – И скажи маме, чтобы она приготовила тебе поесть. Весь день будем ходить по реке.

Дома я взахлёб рассказывал о будущей рыбалке. Показывал снасти, демонстрировал своё умение в завязывании крючков. От переполнявшего меня счастья я не мог успокоиться в предвкушении завтрашней рыбалки. Меня невозможно было остановить. Я всё рассказывал и рассказывал о навыках, которые я сегодня получил, и как я буду их применять завтра. Даже вечернее папино чтение романа Жюль Верна меня не успокоило.

Теперь папа нам на ночь читал по одной главе из приключенческих романов. Сказки о похождениях Иван Ивановича закончились. Вечернее чтение для нас оказалось даже интереснее. Это и нас самих побуждало читать и переживать с героями романов их радости и невзгоды. Но сегодня даже папины слова: «А что будет дальше, мы узнаем завтра», – не расстроили меня. Я был полон мечты о завтрашней рыбалке.

Я долго ворочался в кровати и никак не мог уснуть. В конце концов, я вышел на кухню и пожаловался папе, что не могу заснуть. На что папа спросил меня:

– Что, думаешь о завтрашней рыбалке?

Я утвердительно кивнул головой. Тогда папа немного подумал и решительно сказал:

– Я дам тебе самое лучшее снотворное. Когда я не могу заснуть, то я сам пью его. Если ты тоже выпьешь его, то моментально заснёшь. Только спи не очень крепко, а то прозвёшь звонок будильника и проспшишь всю рыбалку, – с этими словами он полез в свою аптечку, вынул оттуда какую-то большую таблетку, посмотрел на неё и дал со словами: – Вообще-то эта доза для тебя будет велика. Дам-ка я тебе половинку. Для детей твоего возраста этого будет вполне достаточно.

Я запил таблетку водой и отправился в свою комнату спать. Возбуждённость сразу пропала, я расслабился и, как говорил папа, моментально заснул. (Только много лет спустя папа со смехом рассказал, что он тогда дал мне просто обыкновенный кальций).

Будильник неожиданно затрезвонил над моим ухом. От его трезвона я подскочил и сел на кровати. Ошалело огляделся по сторонам, ничего не понимая. Что это за звон такой и почему этот надоедливый будильник так настойчиво звонит?

Но тут я уже окончательно проснулся, и главная мысль пронзила меня. Мне же надо на рыбалку!!! Как же я это совсем забыл?!

Быстро соскочив с постели, я побежал в ванную комнату. Холодная вода полностью прогнала сон. Я немного поплескался в ней, почистил зубы и вышел в кухню.

Мама с любовью посмотрела на меня:

– Рыбачок ты мой. Садись кушать, а то и вправду если будешь копать, то Бочкарев без тебя уйдёт, – приговаривала она и собирала мне небольшую сумочку с едой на весь день.

Но меня не надо было уговаривать. Я всё делал быстро и чётко, поел и оделся. Одежда была собрана с вечера, так что сборы не заняли много времени. Удочка и снасти, собранные с вечера, стояли в углу коридора.

Я схватил их и попытался выбежать, но мамины нежные руки обняли меня. Она наклонилась и поцеловала меня в жёсткую макушку:

– Иди уж, иди, рыбачок ты мой, – подтолкнула она меня к двери. – Лови рыбку и большую, и маленькую, – улыбнулась она мне и распахнула дверь.

Тут уже меня не надо было держать, я пулей вылетел на улицу и помчался к дому Бочкарева.

Но у подъезда никого не было. Неужели я опоздал? Неужели я так долго копался дома? От обиды я чуть ли не расплакался. Но потом поглядел на часы. До половины шестого ещё оставалось пять минут. Тогда я проглотил противный слёзный комок в горле и принялся ждать. Секундная стрелка почти стояла на месте. Она медленно-медленно двигалась по циферблату. Я даже потряс часы, чтобы убедиться, что часы идут. Но тут дверь подъезда открылась, и из неё вышел дядя Витя.

– О! Ты уже здесь, – удовлетворённо произнёс он. – Молодец. Не заставил никого ждать. Значит, всё у нас будет по расписанию и мы не опоздаем на утренний клёв. Ну, что? Пошли.

И мы тронулись. Сначала до школы, а потом по ущелью в верховья Бадки. Солнце ещё не заглянуло в ущелье нашего посёлка, и было прохладно.

Чтобы не ощущать утреннюю прохладу, Бочкарев шёл быстро. Я старался не отставать от него. До Первого моста шли с одним привалом. В этом месте на дороге была поляна с большими, плоскими и удобными для сидения камнями. Когда мы вместе с папой ходили по этой дороге, то тоже всегда останавливались на этой поляне. Папа проверял наш багаж, и всегда обнаруживалось, что кто-то из нас обязательно что-нибудь забыл дома. Поэтому папа так и прозвал эту поляну – поляна Растерях.

Сейчас я тоже проверил, всё ли я взял. Оказалось, что сегодня я ничего не забыл. И когда я рассказал дяде Вите о названии этой поляны, то тот даже рассмеялся.

От поляны вниз уходил крутой обрыв. И где-то там внизу шумела Бадка. Чтобы перебить жажду, я сорвал несколько листочков барбариса и старательно их пережёвывал. По сторонам дороги круто вверх поднимались голые скалы. Казалось, что они своими пиками прямо вонзаются в небо. А оно становилось всё синее и синее. Где-то за этими горными вершинами уже начало подниматься солнце.

Бочкарев поднялся, поправил рюкзак и подмигнул мне:

– Ну что, рыбак? Потопали дальше?

Я был только за это предложение. Мне так не терпелось начать мою первую рыбалку.

Через несколько поворотов дороги, идущей круто вверх, мы дошли до Первого моста. Он был сделан из толстенных брёвен. Они были надёжно скреплены скобами и тросами. Внизу под ним бесновалась Бадка. В весеннее время, когда вода в реке сильно поднималась из-за таяния снегов и она была серо-чёрного цвета, её уважительно называли Баддон. А сейчас, летом, Бадка обмелела, но не потеряла своей стремительности. Смотреть вниз с моста на эти пенистые и стремительные потоки воды было даже страшно. Но я только одним глазком глянул вниз и сразу же отпрянул от края моста. Бочкарев предостерегающе предупредил:

– Никогда не лезь к краю. Тут можно и поскользнуться. А там внизу спасенья уже не будет.

Прошли этот опасный Первый мост. До Второго моста путь был немного короче. Вокруг были те же голые скалы, на которых изредка встречались кусты барбариса и каких-то лиственных деревьев, да Бадка шумела где-то рядом. Её воды уже были видны с дороги. Вокруг стояла водяная пыль. Стало намного прохладнее. Несмотря на то, что мы двигались быстро и наши тела были разгорячены от ходьбы, холод добирался до тела.

Я старался не отставать от Бочкарева. Тот только с усмешкой поглядывал на меня, но темпа движения не снижал.

Тут уже был и Третий мост. Он чем-то напоминал Второй. Отличие его заключалось только в том, что он был намного мощнее предыдущих мостов, так как воды Бадки были совсем рядом. Поэтому весной, в половодье он мог противостоять бешенству Баддона, хотя иногда непокорные воды реки переливались и через него.

Ущелье стало расширяться, и перед нами открылась широкая долина реки. Папа рассказывал, на этих пологих склонах когда-то росло множество сосен. Но бельгийцы, которые здесь начинали разработки полиметаллов, вырубили их для постройки посёлка и шахт. Сейчас на заросших травой склонах виднелись только редкие сосны. Но чем выше в горы, тем гуще они росли. А вершины были сплошь покрыты тёмно-густой зеленью елей. Прошлым летом мы с папой забрались туда и собрали множество маслят и лисичек. Так хорошо было бродить среди большущих, пахнущих хвоей сосен и кустов можжевельника, выискивая спрятавшиеся грибы.

А сейчас мы с Бочкаревым взойшли на Четвёртый мост и оглянулись назад, в узкое горло ущелья. Перед нами предстала невероятно красивая картина.

Первые лучи восходящего солнца окрасили розовым цветом громадную гряду серых гор, которая виднелась далеко-далеко напротив нас. Панорама Столовой горы завораживала своей красотой, и от неё невозможно было отвести взгляд.

Особенность этой горы была в том, что рельеф её напоминал лежащего человека, который спал на спине, скрестив руки на груди. Справа возле его головы находилась другая гора. Она имела круглую форму и, по преданию, была собакой этого спящего человека. Она как будто охраняла вечный сон своего хозяина.

Картина была настолько красивой, что Бочкарев долго стоял и любовался ею. Я был тоже заворожён такой красотой и молча стоял рядом. Прошлым летом папа даже сфотографировал её. Но рыбалка была сейчас важнее всего.

Пройдя немного вверх от Четвёртого моста, мы спустились к самой реке. В этом месте река разлилась, и её воды спокойно текли по ровному, усыпанному мелкими камнями дну.

– Ну, а вот теперь будем искать наживку, – бодро сказал дядя Витя, расправил голенища сапог и вошёл в воду. Он переворачивал большие камни и снимал с них каких-то маленьких сереньких рачков. Потом он вышел на берег и показал мне свою баночку, в которой шевелились эти самые серые рачки.

– Давай-давай! – подбадривал он меня. – Делай, как я. Собирай для себя наживку. Без неё ты ничего не поймашь. Форель, кроме как на эти рачки, ни на что не клюёт.

Я тоже зашёл в воду. Вода была настолько холодная, что даже через сапоги ноги стали мёрзнуть и неметь. Не говоря уже о руках. Их моментально свело, и они ничего не чувствовали. Пальцы ещё шевелились, но почти потеряли всю чувствительность. Поэтому собирать рачков с перевёрнутых камней было вообще невозможно. Они то проскальзывали между пальцев, то одеревеневшие пальцы их вообще не могли взять.

Но кое-что я насобирал. Вода хоть и шумела, но мне был слышен ободряющий голос дяди Вити:

– Ничего, что холодно. Если руки окоченели, ты их разотри, и делай это регулярно. Тогда они всегда будут тёплыми, и рачков станет собирать легче.

Я послушался его совета. На самом деле: к рукам вернулась чувствительность, и сбор рачков облегчился. Вскоре и моя баночка пополнилась рачками.

Дядя Витя вышел из реки, посмотрел в мою баночку и ухмыльнулся:

– А Юрка в первый раз вообще ни одного рачка не смог найти. А ты молодец. У тебя хоть что-то есть. На вот тебе ещё немного и пойдём, начнём ловить. Смотри, солнце уже начинает подбираться к вершинам.

Вершины в долине и в самом деле начинали розоветь. У реки было прохладно. От её холода и прохлады долины меня начало трясти от холода. Хоть я и кутался в курточку, кото-

рую с боем всё-таки надела на меня мама, но зуб на зуб не попадал, челюсти прямо стучали, но я старался не показывать это дяде Вите. Он быстро пошёл вверх по крутому берегу реки. Я едва успевал за ним. От ходьбы я немного согрелся.

Когда мы пришли к первой заводи, то дядя Витя уселся на большущий камень, раскрыл свой рюкзак и вынул оттуда термос. Он налил горячий чай в чашки и одну протянул мне.

– На, пей. А то трясёшься как осиновый лист. А рыбаку нельзя трястись. Чувствительности в руках не будет.

Я взял трясущимися руками чашку и сделал глоток. Чай оказался очень вкусным. Тепло разлилось по всему телу, и дрожь прошла.

Бочкарев и сам согрелся чаем. Потом он потёр руки и весело сказал:

– Ну, вот и начнём сейчас нашу рыбалку. Ты, главное, не торопись. Видишь, в этом месте проток воды повернул к тому берегу, а у этого берега вода не бурлит, поверхность её гладкая. Это и есть заводь. Раскрывай свою баночку. Нанизывай на крючок по одному или по два рачка. Заходи с берега так, чтобы тебя из воды не было видно. Или прячься за кусты. Осторожно ходи. Вода в реке хоть и бурлит, но рыба слышит посторонний шум и пугается. В то место, где поток воды подходит к началу заводи, бросай леску и выводи её в заводь. Но в спокойную воду не веди, веди вдоль всего бурного течения. Обмани форель. Сделай вид, что рачки занесены течением. Если в заводи есть рыба, то она обязательно бросится на предложенных рачков. Ты это сразу почувствуешь. По руке тебя как будто ударят. Ну а если после нескольких попыток никто не клюнул, то иди и ищи другую заводь. Может быть, там будет рыба.

И мы пошли вдоль берега вверх по течению. Бочкарев наблюдал, как у меня получается с рыбалкой. И, убедившись, что я всё понял, перешёл по камням на другой берег и вскоре исчез где-то впереди.

Я старательно выполнял все рекомендации Бочкарева. Осторожно подкрадывался к каждой заводи. Выискивал вход потока воды в заводь и бросал туда свою леску. Хоть грузило и было тяжёлым, но таким стремительным течением его всё равно уносило. Со временем я приуныл к непокорным водам, и леска стала заплывать в заводь. Я вёл удочку вдоль потока. И так повторял по три-четыре раза на каждой заводи. Но долгожданного удара по рукам так и не происходило. Рука только чувствовала гул течения, редкие удары грузила о камни и больше ничего. От такого однообразия я расслабился и стал зевать по сторонам, рассматривая противоположный берег. В общем, я потерял бдительность. Мне уже стало надоедать это однообразие. Никакой рыбы я не видел, а закидывать удочку мне уже стало надоедать.

Вот тут-то я и поплатился за мою невнимательность. По руке как будто что-то ударило, удочка была вырвана из моих рук. Я онемел от неожиданности, а удочка упала в воду и вот-вот могла быть вынесена на течение и унесена бурлящей водой. Не знаю как, но я бросился в ледяную воду Бадки за уплывающей удочкой. Мне удалось подхватить её в самом конце заводи. Я выхватил её из бурлящего потока воды и выкарабкался на берег.

Я был весь мокрый. После этого купания в ледяной воде Бадки у меня вновь затряслись руки и ноги. Опять я не мог сомкнуть челюсти. Зубы стучали. Но я был доволен. Удочка спасена! Можно продолжать рыбалку! Так вот, значит, как клюёт эта загадочная форель, которую я так и не смог разглядеть и обхитрить!

Я поглядел на пустой крючок. Наживки на нём не было. Значит, рыба всё-таки съела его. Есть здесь рыба! Ну, если ты такая хитрая, то я должен тебя поймать. Я тебя обману, если ты ещё здесь и я не распугал тебя своим купанием.

Я вылил воду из сапог. Разделся, выжал брюки и рубаху. Хорошо, что перед подходом к этой большой заводи я снял сумку с плеч и положил около громадного гладкого камня. Она так там и лежала. В ней была коробочка с рачками и еда. Я достал маленький термос, который

мне всучила мама, с ещё тёплым чаем, отпил несколько глотков и начал есть бутерброд. Дрожь от холода стала понемногу проходить, и тогда я вновь взялся за удочку, нанизал рачков на крючок плохо гнущимися пальцами и вновь закинул её в начало заводи.

Десятки раз я повторял этот приём обмана рыбы, но удара по рукам я больше не получал. Наверное, своим купанием я всё-таки распугал всю рыбу. Но я упорно раз за разом забрасывал удочку. И вдруг как будто кто-то вновь ударил меня по рукам. Но я был всё это время сосредоточен на своей удочке и каждую секунду ждал такого удара. Сейчас он для меня уже не был неожиданностью.

Я дёрнул удочку немного вбок по течению, а затем вверх. И о чудо! Вместе с леской из воды вылетело что-то громадное и серебристое. Я продолжил свой рывок в сторону берега, бросил удочку на траву и кинулся к этому серебристому существу, которое вылетело из воды. Это была рыбина! Она билась в траве, и её невозможно было взять в руки. Настолько она была скользкая и изворотливая.

Но наконец-то она оказалась у меня в руках. Я крепко держал её. Какая же она была красивая. Я разглядывал её со всех сторон и не мог наглядеться на неё. Она была серебристая, как ледники на вершинах гор. Бока были усеяны чёрными и красными пятнышками. Рыба тяжело разевала рот, пытаясь дышать. А я не мог отвести от неё глаз, так она мне нравилась.

Но надо было продолжать рыбалку. Я отмыл руки от слизи, которую оставила на них моя рыба, и попытался вновь приступить к рыбалке. Азарт охватил меня. Мне хотелось ещё и ещё ощутить удар по рукам от поклёвки очередной рыбины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.